

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

НЕОБХОДИМОЕ СЛОВО—СЖАТО...

Разговор с поэтом был по-деловому краток:

— Кое-что из написанного печатается в № 6 «Дружба народов».

Написал новую книгу стихов. Как сложится судьба ее — не знаю. К сожалению, планы издателей не всегда совпадают с планами авторов. Из-за улиточной практики издательского процесса путь книги к читателю — год-два. Да и в журналах бывает так.

Я понимаю, что расспрашивать в коротком интервью о том, как «делаются стихи», по меньшей мере наивно. И все же рискую...

— Видели ли вы, как фотографируют зеркалкой? (Я люблю этот пример.) Человек приставляет аппарат к животу или груди и смотрит на него, наклонив голову. Со стороны кажется, человек рассматривает себя, занят изучением собственного пупа. Аи нет! Идет процесс запечатлеть действительности.

Поэт — та же зеркалка, когда мир преломляется, пройдя через нутро. Отсюда и творчество — взгляд в себя, изучение своего внутреннего мира. А значит, и внешнего. Всегда опосредствованно. Через личность. Окончил цикл стихов,

где пытался выразить мир в изобразительных образах, — серию стихов-рисунков, объединив графику и поэзию. Еще в древних рукописях слово и буква были картинной. Такими же элементами орнамента и цветастых сценок были надписи на лубках. Смысловыми рисунками были ковры. Обрядовые песнопения на Руси писались в виде акростиха и назывались краегласием. Таким образом, рисунок обрел звуковое выражение.

В. Шкловский рассказывал: Блок говорил, что, перед тем как написать стихи, ему видятся «звуковые пятна». Вот их-то и хотелось записать!

С появлением кино и телевидения увеличился поток информации, упакованной в картины, в зрительные образы. Свои стихи я назвал *изолы* — опыты изобразительной поэзии. Они соединяют слово и графику.

Хочется сделать мультипликационный фильм из этих движущихся слов-рисунков.

Помню, мы с друзьями, сидя у Катаева, мечтали о создании лабораторного творческого журнала с названием, скажем, «Лестница». Он был бы, как «Вопросы литературы», только не теоретический, а практический, малотиражный экспериментальный журнал. Вот бы здорово, а?

Для Театра на Таганке, с которым мы давно творчески дружим, окончил пьесу «Берегите ваши лица!». Сейчас с Юрием Петровичем Любимовым, режиссером удивительной метафоричности, мы «дводим» ее до постановки.

С корреспондентом «Литературики» М. Трахманом конструируем фотоальбом

о войне, опять пытаюсь соединить изображение и слово.

Сложнее всего, пожалуй, говорить с поэтом о его замыслах, над чем он думает работать...

— Над стихами не работают — живут ими. Стихи — вне планов. Трудно загадывать вперед. Часто замыслы, как и жизнь, обрываются. Порой поэзия и должна быть такой. Поэзия вся фрагментарна, вся только слово из фразы, за которым угадывается продолжение. В этом смысле она повторяет жизнь. Людские судьбы — те же слова из бесконечной фразы, называемой историей, временем, биопроцессом. Детальность произнесенного только подчеркивает (+бесконечность) и (—бесконечность), непознанное, стоящее за плечами.

Планирую не только сказать, но и услышать. Планирую радость от будущих стихов не только моих товарищей по русской поэзии, но и Ивана Драча, В. Белшевицы, чудесного эстонца П. Руммо и совсем молодых, например, Владимира Губанова, вчера монтера, сегодня студента Литинститута; и тех, кого еще не знаю, но знаю — будут.

Ни уму, ни сердцу от водопровода уныло-умелого графоманства, туристических трюизмов, банального штукарства, которыми захлестывают страницы некоторые стихотворцы. Необходимое Слово — сжато, редко, точно, как открытие, чудотворство. Не зря писал поэт: «...Не еженедельно, не всегда, в столетие раза два, я молил тебя: членораздельно повтори творящие слова!»

И. РИШИНА

1 0 ИЮН 1968

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА»
г. МОСКВА